

Никита БРАГИН

ПЕСЧИНКА ОБРЕТАЕТ ВЫСОТУ

Стихотворения

Поручику Тенгинского полка...

Поручику Тенгинского полка
была в эпоху конных экипажей
дорога до Кавказа далека.

Её в строку не уложить и даже
всей пролетевшей жизнью не замкнуть...
Воронежская пыль чернее сажи, –

по тучным землям пролегает путь, –
а купола и шпили колоколен
лазорево чисты... Земная суть –

прикосновение Бога к дольней боли.
Песчинка обретает высоту –
страдание и жизнь. Никто не волен

от праха отряхнуться на лету,
и это небо, что оно без нивы?
И чистота бумажному листу

даётся ненадолго. Под обрывом
уснула речка, тишь её хранит
плакучая клонящаяся ива, –

как нежен этот пасторальный вид,
в каком контрасте к ледникам и скалам,
во чрево туч вонзающих гранит!

Ты с детских лет высокого искала,
суровая и нежная душа,
раскалена до белого накала,

как вечный контур звёздного ковша
в холодных и немых ночных провалах...
Предчувствуя, и выразить спеша

огромное, когда осталось мало
и мёда, и вина... И вдруг найти
исток любви и родины начало

---

¹ Работа (арм. сленг)

в спокойствии кремнистого пути,
вдоль спящего зубчатого отрога,
где суждено твоим словам взойти!

Слеза блеснула на щеке у Бога,
звезда летит, оборвана строка,
кончается последняя дорога

поручика Тенгинского полка.
Андерсен

Ах, мой милый Андерсен,
нам ли жить в печали?
Будь со мною радостен,
светел как хрусталик –
песенки фонариков,
болтовню цветов,
как когда-то маленький,
слушать я готов.

В нашем мире муторном,
плоском как татами,
дорожа минутами,
мы сорим годами...
Пирамиды рушатся,
звёзды сочтены,
детскими игрушками
мусорки полны.

А душа всё тянется,
а душа стремится,
всё ночует, странница,
на твоей странице,
встретит зорьку раннюю,
тихо слёзы льёт,
словно в сердце раненом
тает колкий лёд.

Ах, мой милый Андерсен,
как ты стар и сгорблен...
Нам же не по адресу
сумраки и скорби,
нам бы звёзды синие,
языки костра,
нам бы соловьиные
трели до утра...

Нам травой некошеной
надышаться в поле,
неразменным грошиком
наиграться вволю...
Всё пройдет, мой Андерсен,
всё уже прошло –
тает нежным абрисом
светлое крыло.

Зимний пейзаж в стиле Питера Брейгеля Старшего

1971 год

Рождественского леса тишина
разорвана, орут вороны стаи.
Ильич Второй стреляет в кабана
и точно под лопатку попадает!
Густая кровь и вороненый ствол,
припорошённый инеем каракуль,
а сзади, как египетский оракул,
простуженный Черненко подошел...
Душистым паром задышала стерлядь,
развариваясь в огненном котле...
Добычу освежевывает челядь,
и водка стекленеет на столе.

Поодаль возникает мир иной –
ханурики из леса тащат елки.
Глаза коровы, тощей и больной, –
как стеклотары блеклые осколки.
Шумит предновогоднее село,
получку распыля в магазине...
Убогой потребительской корзине
пора сказать – что было, то прошло.
В Москву, в Москву – гудят локомотивы,
за колбасой несутся поезда,
порхают новогодние мотивы,
горит пятиконечная звезда.

И наступает праздник у детей,
и на санях по снеговым перинам
сменивший чудотворца чародей
везет шары, конфеты, мандарины...
А утром солнце грудкой снегиря
рождается в морозном океане,
кровь на губах, да иней на экране, –
весь Юрьевец под небом января
живой картиной, зеркалом бывшего
наивно смотрит в темный объектив, –
так верующий ищет образ Бога,
лампадою икону осветив.

А дальше – вся огромная страна
на перекрестках святости и скверны
смывает пелену хмельного сна,
и золото горит в прорехах черни.
Но церкви обезглавленные спят
над прахом перекопанных погостов,
а для толпы все празднично, все просто,
все суета – от головы до пят.
И следуя вращению планеты
идут в постель свободные от вахты,
а межконтинентальная ракета
тревожно спит в сухой прохладе шахты.

Сорок лет спустя

Безмолвие в завидовских лесах,
надевших горностаевые шубы.
Легко мышкует рыжая лиса,
не чуя ни стрелка, ни лесоруба.
Охота не в почете у вождей,
они теперь духовное взыскиют,
сменив ружье на свечку восковую,
пороховую копоть - на елей.
В забвение, как бабушкины моды,
ушли приметы брежневских времен,
но что-то зябко русскому народу,
и не духовным озабочен он.

Ища «следы довольства и труда»
находишь недовольство и безделье,
и поневоле вскрикнешь – вот беда! –
когда пахнет в лицо паленым зельем.
В России пьют – и закуси полно,
распухли придорожные харчевни,
где Богу душу отдали деревни
неслышно, незапомнито, давно...
Утешься – пустовать земле недолго.
Идут – Кавказ, Таджикистан, Китай...
Услышишь от Кубани и до Волги
чужое слово сквозь вороний грай.

И все-таки – посмотришь на детей,
и сам обрадуешься, как мальчишка,
за лучшую из лучших новостей,
за Новый год, за фейерверка вспышки,
за веру, что не гаснет вопреки
всему, что городит сухой рассудок...
Еще – за то, что совершилось чудо,
где словом, где касанием руки.
Как будто смотришь на скалистый остров,
на снег и уголь смотришь с высоты,
и удивляешься – как это просто –
смерть на ладони, а в душе цветы.

Россия продолжает крестный путь,
Вселенная все шире, все темнее,
и, раздувая снеговую муть,
над полем непогода сатанеет,
и будущее скрыто до поры.
Душа томится на пороге тайны
и открывает слепо и случайно
порталы в неизвестные миры,
с надеждой слыша тихие приметы
нежданных и немислимых времен...
А в шахте все по-прежнему – ракета...
О Боже, подари ей тихий сон.